

Вадим Новосадов

Маска Гермеса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Н76

Н76 **Новосадов В.**
Маска Гермеса / Вадим Новосадов – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2021. – 220 с.

ISBN 978-5-8853-1114-4

Метаморфоза конспирологии выталкивает его из сибирского лагеря напрямик в Париж. Маниакальные властолюбцы инициируют катастрофические события. Хитроумие его главное оружие, хотя и дерзости не занимать. А тут ещё и отчаянная молодая особа, увлечённая им и оказавшаяся в центре заговора. Гермес – аллегория воплощённого духа злодейского коварства и спасительного плутовства, который может принять личину каждого из участников событий.

«Маска Гермеса»

ГЛАВА 1. ИСТИНА ВАЖНА ВСЕГДА.

Грузный и пожилой надзиратель Панов, ещё подвижный, с бульдожьим лицом из-за брыл и отвислых складок, редко мог впиться покрасневшим взглядом в узника, так как обычно, человеческую массу пересчитывал по парам ног, не подымая глаз, чем, кроме боязни, внушал и безысходный трагизм.

И было отчего. Весь лагерь знал его историю как притчу.

Его мясистые руки, которыми он методично перебирал пожитки в камере, вызывали жутковатые ассоциации.

Лет тридцать тому назад он исполнял смертные приговоры. Но судьба сыграла с ним злую шутку.

Накануне распада советской империи, его младшая сестра, достигнув совершеннолетия, будто сорвалась с цепи. Её сексуальная притягательность и половозрелая отвязность объединили вокруг неё шайку, которая стала орудовать разбоями.

Молодые отморозки, однако, не тратились на продуманность акций против инкассаторов и кассиров. Очередное нападение закончилось двойным убийством - немыслимая дерзость для советского режима. Банду изловили, а скорый суд вынес приговор - высшая мера, то есть расстрел. Система отправила осуждённых туда, где и служил её брат, откомандировав тайно другого штатного палача.

Однажды, девятнадцатилетняя сестра подстерегла его, когда он пересекал тюремный двор, и выкрикнула из окна, вцепившись руками в решётку: «брат, когда ты меня застрелишь?». Чёрт его дёрнул поднять голову на этот душераздирающий вопль. С той секунды он редко поднимал взгляд, смотрел только под ноги.

Трагедия превратила одряхлевшего палача в беспристрастную служебную машину: он не позволял поблажек, правда, сказать, без деспотизма.

Из-под одного из матрацев, во время очередного ночного обыска, он достал толстую тетрадь, - предмет, не запрещённый правилами. Перелистывая исписанные страницы, Панов всё вдумчивее всматривался в них, а затем покрутил тетрадь, и - не вернул.

Права на дневник заявил узник с неславянской фамилией Визант, хотя и с вполне славянской внешностью.

Молодой, немногим выше среднего роста, спортивного сложения, с крупными серыми глазами, вдумчивыми, но способными вспыхнуть лукавством и угрозой, с овальным лицом, острым носом и выделяющимся волевым подбородком. Короткая стрижка открывала высокий лоб, а густой бобрик указывал на непослушную каштановую шевелюру, снятую из-за тюремного устава.

- Я это заберу, - сиплым голосом и с одышкой пробормотал надзиратель, так и не подняв взгляда на одного из столпившихся обитателей переполненной камеры.
- Пусть начальство проверит.

«Чем чёрт не шутит», думал некто Визант, когда встревоженные ночным досмотром сокамерники, укладывались на нары. «Пусть знают, что это не слюнявые мысли о сломанной жизни, а холодный анализ причин, бросивших его сюда».

Впрочем, вряд ли бездушные тюремщики взяли на себя труд копаться в его записях. Им не было дела до хитросплетений его судьбы. Но они могли донести о его размышлениях кому следует.

Отбывал он срок в колонии общего режима, в Новосибирской области, для бывших служителей закона, которая, к счастью, отличалась относительной мягкостью нравов и щадящим трудовым режимом. Хватало сил и на размышление, и на дерзость к игре, как с невидимыми противниками, так и с союзниками на воле.

Двадцатипятилетнего Александра Византа, лейтенанта ФСБ(федеральной службы безопасности), признали виновным в халатности на закрытом суде, лишив, на пять лет свободы. Сомнительно, чтобы его упекли из-за спасения чести ведомства, которая, требовала бы более показательной и масштабной чистки. Он надеялся на досрочное освобождение, уповая на изменчивость обстоятельств по его делу, которое было лишь эпизодом постоянной террористической войны.

Следующим вечером, перед ужином, его вызвали к начальнику колонии. В скромно меблированной комнате, идеально чистой, его ждали сухопарый начальник и сумрачный надзиратель Панов.

- Что это? - сухо бросил начальник, побивая пальцем о тетрадь. - Здесь, не исповедальные мысли. Впредь, никаких досье. Или забудьте о досрочном освобождении, - после паузы он добавил: - вы ещё ни разу не посещали церковный приход. К этому стремятся все осуждённые, которые хотят доказать, что они на пути исправления.

Глава колонии славился тем, что с ревностью пёкся о религиозности подопечных.

Александр не спешил с ответом. Лицо его оставалось неподвижным, только взгляд возмущённо вспыхнул. Ещё бы год назад он сразу же возразил, что он атеист, однако, сейчас, его покорности хватало только на то, чтобы оставаться невозмутимым. Лицемерие и потакание начальству всё ещё не давались ему. Так бы он и покинул их, не проронив и слова, но взгляд начальника требовал ответа.

- Я не граф Монтекристо. Меня волнует истина. Именно она успокаивает душу, а не месть. Что же касается веры религиозной, то я не имею по этому поводу иллюзий.

- Как это понимать? - глава колонии сдвинул брови.

- Бог ведь не начальство, которое любит подхалимов. Ему, может быть и всё равно, верю я в него, или нет, но если он меня создал, то именно для этого дела. Если же я потеряю верные ориентиры, то готов принять его суд. Человек же легко превращается в зверя, когда уповает на силы извне. Не сотвори себе кумира.

Свою размеренную отповедь Визант произнёс не шелохнувшись, стоя почти на вытяжку, только его ясный и оживлённый взгляд скользил по слушателям и предметам, а уголки губ чуть приподнялись в хитрой улыбке. Панов угрюмо смотрел перед собой, а начальник выдавил злорадную гримасу, уязвлённый независимым суждением узника.

- Можете идти, - холодно произнёс он.

Визант спешил в столовую в приподнятом настроении, нисколько не жалея о дерзости, которая здесь наказуема. Да и осталось ему чуть более двух лет из пяти, не столь уж и великая цена за чувство собственного достоинства. А сегодня, даже обычный тюремный ужин, из баланды, полбуханки хлеба и кружки киселя, казался роскошной трапезой.

Ещё большее ликование вызывало то, что за ним следили неусыпным оком. А кто они, - те, кто опасался его как свидетеля, или же те, кто видел в нём наживку в неизвестной ему игре, пока, не имело для него значения. Лёд тронулся. Предупреждение же лагерного начальства лишь побуждало к действиям.

ГЛАВА 2. ВИРТУОЗНАЯ НЕРАЗБЕРИХА СЫСКА.

Директор Федеральной Службы Безопасности, Григорий Буранов вызвал на экстренное совещание всех руководящих лиц ведомства, отвечавших за антитеррористические мероприятия. Его внешний вид, - прямая осанка, сомкнутые губы, крупные осмысленные глаза, которыми он поглощал собеседника со всеми его потрохами, имели гипнотическое действие. Говорил он ровным приглушённым голосом, что у одних вызывало впечатление хладнокровного человека, у других, скорее недоброжелателей, повод упрекнуть его в чванстве.

Причиной встречи послужила секретная депеша о захвате спецназом на Кавказе личного связного новоявленного лидера террористов, неуловимого как призрак, по прозвищу «геенна», которым он ознаменовывал свои кровавые деяния.

В пику, службисты припаяли этому полевому командиру созвучную кличку, то есть «гиена», в честь омерзительного хищника.

Итак, обращение «гиены» к некоему неизвестному сподвижнику, раскрывало их замысел очередной террористической атаки.

Директор огласил даже текст послания: «Наши люди разлагаются от бездействия. Хотя врагам Аллаха пора преподать следующий урок и нанести удар в сердце. В ближайшую неделю, как будете готовы. Связь та же».

Ситуация требовала внимания ко всем деталям, и потому Буранов подробно описал поимку связного. Он и его сопровождающий нарвались на разведчиков спецназа, у спутника не выдержали нервы и его уложили одним выстрелом. Узнав, кто в их руках, бойцы не могли упустить шанса поиграть с главарём душегубом, затаившимся настолько, что не выходившим даже в эфир, хотя и исхитрявшимся сеять смерть из своего логова.

Погибший напарник связного сошёл бы за случайную жертву снайпера одиночки. В штабе вскрыли письмо, скопировали, поставили новую сургучную печать, неотличимую от подлинной и отпустили связного. Оперативники рассчитывали, что связной не сбежит сразу, и не признается своим, что побывал в плену, иначе его ждали зверские пытки и смерть. Погибла бы и его семья, которая находилась в заложниках, пока он выполнял задание. Главный же кавказский террорист на время затаился бы, усложнив задачу своей ликвидации.

Несмотря на перехват, сведений, как кот наплакал. Приходилось искать иголку в стоге сена. В огромном мегаполисе можно было спрятать любое количество взрывчатки и оружия. Разумеется, кротов следовало бы искать среди выходцев с

Кавказа, занесённых в особый банк данных, но для поголовной и быстрой проверки, а речь шла о считанных днях, не хватило бы сил. Поиск усложнялся и тем, что организаторы могли держать наготове несколько автономных групп боевиков, провал одной инициировал бы немедленное действие другой. И всё же, террористы не обходились без инфраструктуры. За нить можно было бы ухватиться, перебирая фирмы однодневки.

Объявив о работе НАКа (национального антитеррористического комитета) в чрезвычайном режиме, основную часть оперативных мероприятий директор возложил на генерал-майора Николая Спирина, руководителя УФСБ по Москве и области. Мужчина лет пятидесяти, поджарый, с угловатыми чертами лица, с проседью у висков, всегда одетый с иголки, принимал вызов, поблескивая карими глазами.

Уже в самое ближайшее время Буранову пришлось бы держать ответ в Кремле перед главой государства и озаботить остальных членов НАКа. Те представляли скорее армию егерей, тонких игр не вели и могли бы распугать изобретательных хищников, хотя и без них зверя в ловушку не загонишь.

- С этой минуты работаем круглосуточно, - тихо произнёс директор в безмолвие консервативно меблированного кабинета, приберегая силы для экстренного заседания в Кремле.

Не прошло и четырёх часов, как Спирин снова появился в кабинете у начальника с первыми оперативными выводами, где выискивать крысиные гнёзда. Спирин, по возможности, пытался избегать встречи с директором с глазу на глаз, и потому взял с собой двух подопечных.

Несмотря на внешнее спокойствие, глаза директора возбуждённо горели. Выслушав краткий доклад, он не спешил сделать заключение, ограничиваясь пока уточняющими вопросами.

- Не связан ли их акт с каким-нибудь политическим событием? - нарушил паузу Спирин.

-Террор и есть их политика, - холодно заметил глава спецслужбы. - Впрочем, всё возможно.

- Я позволю себе одно соображение, - осторожно высказывал Спирин то, что у всех крутилось в голове, но в устах начальника показалось бы профанацией. - Здесь, в Москве, диаспора чтит свою репутацию, а наша служба взяла их под своё неусыпное око. Возможно, террористы решили походя отомстить лояльным власти землякам.

- И кто мог бы состоять в их чёрном списке? - сдержанно поинтересовался Буранов.

- У меня на подозрении только один. Фигура известная. Амалиев. Один из самых богатых кавказцев в стране, а может и самый богатый. У него сеть магазинов в столице, а вскоре откроется крупнейший торговый центр.

На непроницаемом лице директора промелькнула ухмылка. Высказанная версия была слишком очевидна, но была ещё одна, о которой уже сам Спирин предпочёл бы умолчать.

- Ты не упомянул ещё одну фигуру. Кадырова, - как бы поправлял его начальник, указывая на главу Чечни.

Террористическая атака в столице, нити которой бы тянулись в Чечню, подрывала авторитет её руководителя в глазах высшей власти.

- Весь бизнес у Кадырова дома. Там же он и разбирается со своими врагами. Поэтому террористы нападут на объекты Амалиева, его конкурента, в Москве, которые не защищены. Одним ударом они скомпрометируют обоих чеченских лоялистов. Так, по крайней мере, они могут рассуждать, - осторожно высказывался Спирин.

- Ну что же, будем в первую очередь разрабатывать эту версию, - сухо заявил глава службы безопасности.

Предыдущей неудачей была пропитана вся атмосфера в последнее время. Буранов не доверял Спирину, впрочем, недоверие, вкралось, видимо и к самому директору, но уже со стороны президента.

Один из близких знакомых директора ФСБ, с кем бок о бок он прослужил долгие годы, Владимир Моторин также был задействован в розыске затаившихся террористов. Странно, но, получая информацию и отдавая распоряжения в эти напряжённые часы, в его памяти перебирались и события трёхлетней давности. Из-за них, его молодой подопечный, имевший все шансы стать одним из лучших агентов, угодил за решётку. Сам он отделался переводом из штаб-квартиры на Лубянке в столичный округ.

С годами чувство ответственности за судьбы подчинённых только усиливалось, он терпеливо выжидал случая, чтобы вызволить одного из них. Моторин был тёртый калач, человек чести, как бы это странно ни звучало для репрессивного учреждения в обывательском понимании. Он не отмежевался от тех, кому доверял, мог оставаться независимым в очень зависимой системе, и был предан службе, а не начальству. Многочисленные ветры перемен он переживал со стойкостью китайской мудрости, в нише беспристрастного профессионализма. Карьеризм был ему чужд.

Сейчас город снова сидел на пороховой бочке, и никто не имел представления, с какой стороны могли поджечь фитиль. В прошлом случае, после которого он попал в опалу, проходившая «без сучка задоринки» операция, каким то образом сорвалась, будто вмешался злой рок. Но сыскных дел мастеру не следовало бы полагаться на судьбу. Он подозревал измену, ахиллесову пяту разведки, особенно при всеилии денег в пост советскую эпоху, где бесцеремонно торговали всем, включая и безопасность.

И вот, к полудню следующего дня, после того как он получил директиву по неотлагательным розыскным мероприятиям и соответствующие наводки, его подчинённым, похоже, достался настоящий улов. Редкая удача.

Проверив один из крупных складов строительных материалов, оперативники обнаружили несколько килограммов пластида, скрытых в мешках цементной смеси. Только этой взрывчатки хватило бы, чтобы разнести не одно здание. По свежим следам немедленно проводились облавы. Задержанных фильтровали,

перемещали в подвалы Лефортово, где их бесцеремонно допрашивали озверевшие оперативники.

Склад был арендован холдингом крупнейшего коммерсанта Амалиева. Из всех задержанных несколько человек оказались соучастниками, которые показали, что отвозили взрывчатку на строительную площадку торгового центра. Немедленно туда устремились отряд бойцов, оцепивших объект, криминалисты, сапёры, оперативники. Торговый центр был отстроен, оставались пригготовительные работы к открытию, которое состоялось бы в ближайшие дни. Его обширные залы могли вмещать до нескольких тысяч посетителей одновременно.

Чувство удачи смешалось с ужасом от того, какую адскую машину удалось обезвредить сапёрам. В стыках купольных балок с колоннами, на которые опиралась громоздкая монолитная крыша, были искусно замурованы заряды. Все они соединялись с электрической сетью, и были снабжены взрывателями. Обнаружив первую закладку, сапёры тут же потребовали отключить объект от электричества, иначе террористы, узнав, что их разоблачили, приведут свою чудовищную систему в действие.

Позже, выяснили, как всё это должно было сработать. В нескольких местах были скрытно вмонтированы миниатюрные пусковые аппараты, которые реагировали на зашифрованный электронный сигнал.

Катастрофа могла произойти в любую минуту, когда проводник карающей воли Аллаха просто нажал бы на кнопку, превратив торговый центр в руины, под которыми были бы погребены тысячи человек.

Недели через две Моторин узнал, что некто полковник МВД, по фамилии Сотник, обвинялся в связях с террористами. Именно с ним контактировал его подчинённый, до того как его осудили. Дарованный судьбой случай, призывал Моторина к активным действиям.

Он выбрал момент спустя месяц после предотвращённого взрыва и напросился к Буранову на приём личного характера. Это стало возможным благодаря успешной операции, укреплявшей позиции директора ФСБ.

Они были знакомы с незапамятных времён, конечно уже - не друзья из-за разницы в служебном положении, но напрочь связанные соратники, хотя Буранов с некоторого момента чурался опального помощника.

В этот день подчинённый подметил в своём шефе благосклонность, уловимой в смягчённом взгляде и полуулыбке. Мало кто одаривался благодушием главы самой могущественной спецслужбы. Они сели друг против друга за овальным столом.

- Мой бывший подчинённый Визант невиновен, - сразу отчеканил Моторин.

Директор отклонился на спинку кресла с непроницаемым выражением лица.

- То, что обвиняемым стал некто Сотник, говорит в пользу моей правоты. Тогда наша операция была сорвана, возможно, не без помощи всё того же Сотника. Мы воспользовались его агентурной сетью. Не исключено, что и за ним ещё кто-то стоит.

- Владимир, это твои догадки и журналистские домыслы. Обычная вера в заговор. Следствие не закончено. Виновность этого Византа установил суд, его решение никто не может отменить. Есть досрочное освобождение, амнистия, помилование, наконец, что даруется за определённые заслуги. В любом случае, у него есть шанс, - беспристрастно разъяснял директор.

- Визант ориентировался на информацию Сотника, она оказалась ложной. И если он невиновен, не честнее ли пересмотреть дело и признать его таковым? Он способный и преданный агент, его нужно вернуть в строй. Я отвечаю за него. И почему меня не привлекают свидетелем в деле Сотника? - откровенность Моторина имела неисчерпаемый заряд воли.

- Я тебе обещаю, Владимир, что если появятся достаточные основания, будет проведено дополнительное расследование по делу твоего подчинённого, - ответил Буранов, оценивая заступничество собеседника, но с иронией к его вере, что пересмотр дела возможен, в системе то отечественного правосудия. - Зря вы доверились осведомителям из МВД.

- Тогда у нас не было другого выбора. Менты имеют широкую агентурную сеть, хотя и продажность там сплошь и рядом.

- Я знаю, - с выдохом досады ответил директор.

Моторин не очень то и рассчитывал на откровенность высокого начальника, но что таилось под его закрытостью. Может быть Буранов, подозревая происки как внутренних врагов, так и внешних, то есть некоторых высокопоставленных чиновников из других ведомств, задумал игру по их уличению и какую-то роль отводил Византу. Ведомство редко карает своих официально, разве только изменников, иногда - мздоимцев, но привлечь за халатность – редкое исключение. Тайная полиция всегда стояла выше остальных силовых структур, часто спихивая на них вину за провалы. С отступниками расправлялись внесудебными способами. Бытовала правда ещё одна практика – отправлять в отсидку агентов кротов, дабы создать легенду для криминального мира, но эти смельчаки были всё же законспирированы. Его подопечный Визант сел как офицер Федеральной Службы Безопасности.

В России сильна традиция абсолютизировать власть, и кто взобрался на Олимп, заболевает апостольской миссией настолько, что быть повергнутым среди богов, - сродни концу света для них. Прометеи здесь появляются крайне редко. Зато как обычно прогрессирует другая болезнь – самонадеянность, неизменно ведущая к ошибкам и злоупотреблению. А для интриг существует и более низкое сословие, обиженные и амбициозные средние чины, лучшие рычаги для манипуляций, без явного сговора с ними.

- Не одному молодому человеку я открыл путь в нашей службе, - задумчиво объяснялся Моторин, - но я потерял границу допустимого цинизма, нужного для выполнения долга. Когда нет людей, на которых бы я мог положиться, я не доверяю и самому себе.

- Я всё отлично понимаю. Твои слова свидетельствуют о том, что ты сохранил честь профессионала. Но с другой стороны, я сделаю вид, что не расслышал в них пораженческих настроений.

Чтобы не заканчивать встречу на такой официозной ноте, директор предложил подчинённому коньяк, расспросил о семье, затем они вспомнили что-то из давней совместной службы, и таким образом тональность дружеских отношений была выдержана.

ГЛАВА 3. КОГДА СПАСАЮТ БЫВШИЕ ВРАГИ.

Новые сведения о предотвращённом взрыве, последствия которого и

представить было невозможно, а вернее, в наихудшем ожидании, дело могло бы прийти и к смене государственного режима, придали Александру осязаемую надежду. Нарекание администрации не могло удержать его от анализа, он просто не вёл записей, от насущного интереса память могла вместить всё нужное и без бумаги.

Суд над Сотником проходил в закрытом режиме, но имел достаточно лазеек для журналистского брата, который привирает и додумывает, однако же, и ложь указывает на правду, достаточно быть умелым сыщиком.

Полковник милиции Сотник из департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, обвинялся в халатности, злоупотреблении властью и подделке документов. Если на суде всплывёт и его причастность к предыдущему преступлению, то у Александра появлялся шанс на реабилитацию. Но его случай затрагивался пока только вскользь, и то, журналистами. Управляемое правосудие обрезало бы нити к расширенному расследованию, которое бы могло скомпрометировать более высокие чины. Именно по этой причине, как считал Визант, Сотнику не стали вменять соучастие в терроризме, повесив на него второстепенные статьи.

Спустя три месяца надежда на пересмотр дела если не исчезла навсегда, то на неопределённое время удалась. Слишком скор был суд, признав Сотника виновным по всем статьям, но из-за предотвращённого преступления вынес ему сравнительно мягкий приговор - шесть лет заключения в колонии общего режима.

Вряд ли случай так распорядился, что Сотника конвоировали в этот же лагерь. Конечно были и те, кто не хотел их встреч. Время упускать никак нельзя было.

На ловца и зверь... Александр сам получил от Сотника записку о встрече после нескольких дней, как он оказался здесь.

В назначенное время, за пару часов до отбоя, они отделились от куривших у барака собратьев, деливших впечатлениями ещё одного уходящего дня в неволе. Те могли наблюдать за разговором, хотя и ничего не слышали бы, и делали вид, что их это вовсе не интересует. Но достаточно было жестов, чтобы понять, кто слабее в словесной дуэли, и это мгновенно бы разошлось по всему лагерю, где любая деталь влияла на репутацию, которая здесь стоила очень дорого.

Визант рассчитывал, что противник, будучи подавленным первыми, самыми тяжкими днями пребывания, которых у него бесконечное множество, приоткроет некоторые тайны. Хотя Визант так и не был уверен, спасёт ли его это, или погубит. Им двигал инстинкт сыщика.

Игорь Сотник, молодой человек выше среднего роста, его хорошо сложенная и натренированная фигура не сглаживалась фуфайкой и свисающими штанами. Вытянутое лицо и пронзительный взгляд, смазливый, вызывающий жалость, наверняка неотразимый для баб. Сейчас он выглядел если не потерянным, то с сильным внутренним напряжением. До того, как произнести первое слово закурил дешёвую сигарету без фильтра. Александр избавился от этой привычки, которую здесь же и подцепил, ощутив, как силы и без того убывают с каждым днём, от принудительной работы и скудного питания.

- Не сомневаюсь, что ты очень ждал этой встречи? - бросил Игорь немного тонким мембранным голосом, характерным для мерзавцев.

- Стоит ли нам что-то скрывать друг от друга в сложившихся обстоятельствах? Сотник жадно затянулся, недоверчиво и с долей брезгливости потупив взгляд.

- Ты для меня уже угроза, когда я с тобой заговорил, - ответил он.

- Ты нарушил это табу, если оно вообще было. Моя операция была намеренно сорвана, и утечка произошла, как я подозреваю, от тебя, или твоих агентов. Ты продался, или тебя самого использовали?

Лицо собеседника зарделось в мутном зареве осеннего заката, взгляд светился отчаянием и раздражением.

- Внутриведомственные разборки выше середины не коснутся. Для этого есть такие как мы, козлы отпущения. Твоё желание узнать больше положенного, комариный писк.

Сотник резко развернулся и энергично удалялся от растерянного Александра, обыграв мизансцену в свою пользу. Очевидно, что Сотник провоцировал его, вызвав на встречу и оборвал её, оставив собеседника не солоно хлебавши. Либо он зондировал почву, не будучи уверен в том, что некоторые сведения могут спасти его, или, набивал себе цену. Так или иначе, его положение казалось безнадёжным, тонущий хватался за соломинку. А в этот бодрствующий и свободный остаток суток, по возвращению в барак, Визант, в который раз, перебирал детали трагического события, которые и перевернули его судьбу.

До своего заключения, он участвовал в планировании и осуществлении ловушек для террористов. Делалось это рискованным способом. Под оком спецслужб тем позволяли просачиваться в столицу, затем отслеживалась цепочка перевозки оружия и взрывчатки, а также фигуранты попустительства среди милицеских чинов. Попавшую в эти сети рыбёшку тут же выуживали. Но, как и бывает в сложных играх, агенты оказываются двойными, в результате и сам охотник попадает в западню.

Так, под непосредственным руководством Византа, в хорошо спланированной операции, спецназ нагрянул на склад, где якобы собрались боевики перед проведением своей акции. С десятков накачанных дурью смертников отчаянно сопротивлялись, но, как позже выяснилось, они были ложной мишенью.

Террористы вели дезинформирующие переговоры по сотовой связи, доступной оперативникам, которые уверовали, что вычислили логово зверя, намеревавшегося покинуть его ради кровавой жатвы. Но нарвались на засаду, в результате, пятеро бойцов погибли, с полдюжины получили серьёзные ранения, а лейтенант Визант пожалел, что остался жив.

Но настоящий кровавый подвох их ждал впереди. Другая группа боевиков захватила универсам с заложниками, цена освобождения вылилась в десятки жизней невинных граждан.

Агент, давший ложные наводки, был завербован Сотником. Византу настоятельно советовали не упоминать об этом на следствии и суде. Даже Моторин, его непосредственный начальник, кому он доверял, убеждал его, что эти показания ничего не изменят, или того хуже, усугубят его вину.

Впрочем, Моторин обещал, что приложит все усилия, чтобы вытащить его из тюрьмы. Сотник же был человеком Юдина, заместителя министра внутренних дел, который курировал антитеррористическую деятельность в своём ведомстве, и был соратником Спирина, своего визави из ФСБ, более влиятельной персоны, чем

Моторин. Словом, Визант был первым стрелочником, теперь пришла очередь и Сотника.

Сотник в течение многих лет создавал агентурную сеть среди сепаратистов. Это был его конёк. При разработке и осуществлении операции Визант и использовал его информаторов, за недостатком своих, поскольку милиция масштабнее присутствовала на Кавказе, и в силу этого имела больше связей среди местного населения и диаспоры в России. Но Визант ещё упрекал себя и за то, что рьяно взялся за дело, не без честолюбивых устремлений. Самонадеянность и подвела. С другой же стороны он имел серьёзное поручительство от высокого и опытного наставника, старого волка Моторина. Разве голова не пойдёт кругом?

Не секрет, что милиция разъедалась коррупцией и беспечностью, но Моторин ссылался на жёсткое предписание свыше о всяческом взаимодействии в борьбе с терроризмом. Не исключено, что Визант стал разменной пешкой в соперничестве ведомств. Но в новых обстоятельствах судьба могла дать шанс ему на спасение, или, напротив, перемолоть в своих жерновах. Тут или пан, или пропал.

Буранов имел закрытую беседу с главой управления собственной безопасности Константином Вольским, мужчиной лет под шестьдесят, невысоко роста, с плотной полнотой, облысевшего, с живыми крупными глазами, от внимания и пронзительности которых ничего не ускользало.

Его служба входила в состав ФСБ, хотя могла действовать и самостоятельно, сотрудничая и с МВД и прокуратурой, но в таких случаях нужна была санкция высшего лица страны. Этот случай как раз сейчас и наступил – президент подписал указ о создании объединённой комиссии по внутреннему расследованию, которая на время подчинялась только ему. Благодаря Вольскому, Буранов узнавал о тех скрытых намерениях лидера страны, которые не доводились до него лично, и сам в свою очередь, мог через Вольского донести свои соображения, без аудиенции.

- Следствие наше почти не двигается с мёртвой точки, - высказался Вольский, когда они уселись напротив друг друга за овальным столом. - Милиция выстраивает невидимую стену для моих людей. Подчищают концы, целые тома дела исчезают.

Вольский хоть и жаловался, но по сути его слова выражали указание.

- Прошли те времена, когда МВД трепетало перед нами, - сдержанно ответил Буранов.

- Пока, я могу только предполагать, откуда ветер дует.

- И откуда же он дует? - директор взирал на собеседника непроницаемыми оливковыми зрачками.

Разговор касался политики, темы скользкой, и как осторожный тактик, Буранов сперва выслушивал кремлёвского фаворита, прежде чем высказаться самому.

- Амалиев и Кадыров конкурирующие кланы, как, впрочем, и все кланы на Кавказе. Не исключено, что Амалиев, или ещё некие силы за ним, надеялись, что нынешний чеченский лидер теряет фавор. Но взрыв, опять же, мог бы похоронить репутацию и того и другого. Кому это выгодно? Я не говорю о террористах,